

Люди с детства в той или иной степени любят зиму. Конечно, когда наступают холода и начинает дуть пронизывающий ветер, многие корчат недовольные гримасы и думают: «Скорее бы лето!» Тогда возвращается тепло и становится так радостно на душе. Это время, когда девушки ходят с красивыми распущенными волосами, хвастаются не только маникюром, но и педикюром. А самое главное — никто не надевает всю эту кучу теплой одежды, утяжеляющую человека на несколько килограммов.

Но спросите любого: согласился бы кто-нибудь жить совсем без зимы? Не задумываясь, многие ответят — конечно! А если поразмыслить... Никогда больше не видеть снега? На это согласится далеко не каждый. Исчезновение свежего холодного снега станет чем-то вроде тоски по родине, своеобразной томительной ностальгией. В конце концов, мы же не африканцы! Русские люди любят зиму, они вспоминают свое детство, санки, лыжи... Зима может быть такой же зажигательной, как бразильский карнавал, только с лучшим убранством. Такой ледяной, до мозга ко-

Матвеева Луиза

стей пробирающий, чистый, прозрачный воздух, яркое слепящее солнце, миллиарды снежинок, и каждая — со своим удивительным природным узором, переливающаяся своим неповторимым преломлением лучиков света в морозных гранях... Свежий снежный хруст под сапогами словно говорит: все в этой жизни будет хорошо.

Бывают и иные зимы — теплые, влажные, с обильным снегопадом. Снег идет крупными хлопьями. Хлопья эти ложатся в большие рыхлые сугробы, оседающие неторопливо и степенно — на ветках деревьев и кустарников, на одежде и даже на ресницах. Деревья с благодарностью принимают пушистый сверкающий снежный наряд от небесного кутюрье. И ни один модельер на земле еще не придумал ничего более красивого. Леса превращаются в сказочные чащобы, ветки деревьев застывают в гордом любовании собой и не шевелятся в новых белых шубках.

Для Родимцевой снежная зима ассоциировалась с детством и только с самыми хорошими воспоминаниями. Их семья жила в маленьком сибирском городке. Зимние ночи бывали так длинны, что казалось, день не наступит никогда. Каждое утро дедушка сажал ее на деревянные самодельные санки и катил за три километра в садик, куда свозили всех детей в округе. Можно было доехать и автобусом, старым и редко ходившим, но дед предпочитал пройтись для здоровья и дать ребенку подышать свежим воздухом. Она очень хорошо помнила, как ее, завернутую в несколько слоев теплой одежды, словно в большой кокон, сажали в санки, и дед, которого она представляла

Как с цуся вода

своей лошадкой, начинал свой долгий, неспешный, монотонный путь.

Она сама была тогда маленькой принцессой или Золушкой, которую везли в карете во дворец. И вот сидела она таким закутанным кулем, ей было тепло, и все было нипочем — и щиплющий за нос морозец, и колючий мелкий снег, секший лицо иголками, словно желавший нарушить это благостное состояние. Приятное скольжение отполированных лезвий санок по утопанной спешившими на работу людьми дороге заворачивало ее. Неспешный путь вводил ее в транс, давал полное расслабление и чувство комфорта. Девочка наблюдала за сверкавшими в свете фонарей и звезд сугробами, проплывавшими мимо, и представляла, что ее дорога, как у настоящей принцессы, усыпана бриллиантами, вымощена драгоценными камнями...

Прошли годы. Жизнь оказалась отнюдь не прекрасной сказкой, как ей думалось в детстве. Не было больше маминых рук, укутывавших ее с особой тщательностью и заботой. Ушли в прошлое заботливо связанные бабушкой шерстяные носочки, не стало и сильных рук деда. В детстве ей казалось, что это не закончится никогда, что эти добрые крепкие руки все время будут тянуть ее санки вперед, к заколдованному замку, по дороге, усыпанной снежными алмазами. Сказка кончилась, это случается рано или поздно в жизни любого человека.

В жизни Снежаны — так звали девочку — это доброе привычное волшебство оборвалось настоящей трагедией. Во время одного из привычных утренних

путешествий на санках морозным утром с дедом Снежаны, заменившим ей отца, случился сердечный приступ. Веревка, привязанная к санкам, безжизненно повисла и упала на мёрзлую землю. Убаюкивающее скольжение полозьев по заледеневшему снегу оборвалось. Снежана явственно ощутила закрадывавшийся в душу страх, услышала стук своего маленького сердечка. На воплощении ее мечты, на сугробе из искрящихся снежинок лежал неподвижный дедушка. Страх сковал ее холодным обручем... Их нашли только через два часа — в садике обеспокоились, почему не пришла Снежана, и позвонили им домой. Морозный воздух, припорошенный снегом мертвый старик и маленькая, испуганная, почти уже замёрзшая девочка...

Снежана очень испугалась. Она долго звала деда и плакала, пока у нее не пропал голос. Никто не пришел им на помощь, от холода занемело все тело, а снег, впервые оказавшийся врагом, бесстрастно присыпал ее и мертвого дедушку белыми хлопьями. Конечно, маленькая девочка не могла осознать, что она побывала на волосок от смерти. Она поняла это, лишь когда выросла. А после того несчастья Снежана долго пролежала в больнице. Полгода она почти не разговаривала, стала очень замкнутой и нелюдимой. От нее ускользал смысл фразы: «Дедушка больше не будет жить с нами, он теперь на небе». Она помнила синюшное лицо деда с открытыми неподвижными глазами. Он не отозвался на ее отчаянный плач, и маленькая Снежана смутно чувствовала, что произошло нечто ужасное. Она злилась на это непонятное небо,

отобравшее у нее деда, и на него самого, так внезапно разрушившего ее прочно установившийся детский мир — сказку. Уже в школе, узнав, что же это такое — смерть, Снежана ночами плакала. Она вспоминала деда и обвиняла в его смерти себя. «Старый человек не должен был везти меня на санках так далеко!» Или: «Я должна была не реветь, как полный несмышленищ, а позвать на помощь, и его, возможно, еще успели бы спасти...»

Так как дед был единственным мужчиной в их семье, сразу же почувствовалась нехватка мужского внимания и заботы. Бабушка, прожившая с мужем почти пятьдесят лет, после его кончины угасла за год, потеряв опору и интерес к жизни. Она тихо умерла во сне. Снежане уже не требовались объяснения, что бабушка ушла на небо. Она даже робко, тайно по-своему обрадовалась, что деду теперь будет не так одиноко там, наверху...

Снежана была тихой примерной девочкой, не вызывавшей ни у кого нареканий. Она окончила школу твердой «хорошисткой» с примерным поведением и отличной характеристикой. Несмотря на то что они остались совсем одни, мама снарядила Снежану в другой город, чтобы дочь поступила в институт — она понимала, что так будет лучше. В их маленьком городке имелось всего два училища: педагогическое для девочек и слесарное для мальчиков. Судьба большинства детей была предрешена. Кое-кто из стремившихся к чему-то лучшему отличников уезжал, пробовал получить высшее образование, и бóльшая их

часть обратно в эту «дыру» уже не возвращалась. Мать так и сказала Снежане:

— Хотя я и рискую сойти с ума в полном одиночестве, но жизнь тебе портить не собираюсь. Здесь у тебя одна судьба — стать воспитательницей в детском саду. Все! Потолок! А так — выучишься, человеком станешь. Ни у кого из нашей семьи особого образования не было, перед тобой все дороги откроются. Я смогу гордиться тобой, — со слезами на глазах добавила она, — тем более что школу ты окончила хорошо. Хотя, конечно, я буду за тебя очень переживать. Как-то тебе придется во взрослой жизни?

Снежана окончила институт неподалёку от Москвы, а затем мама сделала ей еще один подарок. Она продала свою трёхкомнатную квартиру и заявила:

— Поезжай-ка ты, дочка, в Москву! Да, да, именно туда! Купи жильё, устраивайся на работу и живи, как люди!

Этот щедрый жест был вызван уколом совести. Мать впервые за всю свою жизнь, в возрасте сорока пяти лет, наконец-то встретила мужчину и создала семью. За спиной ее словно выросли крылья. Она не была больше одинокой и почувствовала себя счастливой. Мало того: у нее родилась крепкая, здоровая девочка, желанный ребенок. Все внимание матери переключилось на малышку. Снежана, учившаяся далеко от дома, оказалась в роли одинокого птенца, уже выросшего, но все еще не умеющего летать.

Она сама к тому времени уже получила первые уроки взрослой жизни, пережила первую и, как это часто бывает, несчастную любовь. В общезжитии Сне-

жана познакомилась с одним парнем на курс старше ее. Он был очень любезен и обходителен, носил ее сумку и пакеты с продуктами, давал свои конспекты. Снежана просто «купилась» на его красноречивые обещания, что они сразу же поженятся, как только закончат институт.

«Потому что мы сейчас — бедные студенты, а ты заслуживаешь самой роскошной и красивой свадьбы на свете! Пока что я тебе ее устроить не могу, а вот в будущем...» Снежана прожила с ним три года, а потом ее кавалер благополучно женился на женщине на десять лет старше. Знаком он с ней был всего неделю, но успел оценить степень ее благосостояния — по квартире, машине и «брюликам», которыми она обвешивалась без меры. Снежана думала, что она никогда не оправится от этого предательства, но, как ни странно, жизнь продолжалась.

Она купила жилье. Денег хватило на однокомнатную квартиру на окраине Москвы. Но все равно Снежана чувствовала себя человеком, она знала, сколько в Москве приезжих, они снимают запущенные неудобные квартиры или мотаются из дальнего Подмосковья в Москву на работу. Несколько лет девушка проработала учительницей в школе, затем занялась частным репетиторством, потом полностью перешла на частные уроки, дававшие ей и заработок, и свободу. К тридцати годам, не считая истории с однокашником, разбившим ее сердце, Снежана испытала пару неудавшихся романов с женатыми мужчинами и обрела полную уверенность в том, что она никогда не узнает, что же такое счастье, любовь, семья. Периодически ря-

дом с ней возникали какие-то самоуверенные типы с глупыми шутками, но девушке совершенно не хотелось с ними связываться. Счастье обходило ее стороной, на ней словно клеймо стояло. Часто, прогуливаясь по парку, Снежана видела счастливые лица влюбленных, светящиеся глаза матерей с колясками и понимала, что они ничем не лучше и не хуже ее. Просто им на роду написано быть счастливыми, а ей — нет. И тонкая ниточка надежды, которая, как говорят, умирает последней, ускользала куда-то, необратимо и ужасающе. Снежана думала, что и из школы она ушла из-за того, что устала отвечать на неделикатные вопросы коллег: «Почему ты такая грустная? Отчего у тебя потухшие глазки? Когда же появится твой принц на белом коне? Неужели еще никого не встретила? И чего только этим мужикам надо? Все же при тебе!»

Кто понаглее, тот и продвигается в жизни. Снежана так не могла, хоть и понимала, какими способами некоторые женщины добывали себе счастье, как бы подворовывая на время чужих мужей и принимая из их семейного бюджета деньги — «спонсорскую помощь». Постоянно подливала масло в огонь и ее институтская подружка Лика.

— Не пойму я, подруга, что мужикам требуется? Почему ты маешься в одиночестве всю жизнь? Уже молодость прошла, а так ничего и не получилось, — заявила как-то она.

— Только не голоси, как на похоронах! — поморщилась Снежана. — Кому-то везет, кому-то нет...

— Ага! Мужикам надо улыбаться, вешаться на них, все делать для них, а не ходить с видом Снежной ко-

ролевы. Они избалованные, за них бороться надо, завоевывать их! А ты как думала? На одного мужика по пять баб приходится. Вот он и будет выбирать. Чем ты лучше оставшихся? Сейчас уже не прокатит «путь через желудок» или «она мастерица в постели». Надо совмещать все качества, все!

Снежана растерянно посмотрела на подругу. Вот уж Лика-то старалась, просто из кожи вон лезла. Старания ее были вознаграждены, но весьма своеобразным образом. Лика никогда не оставалась одна, с ней все время были мужчины, но — разные. Снежану такое положение дел не устраивало. Она с детства была настроена на одного, своего собственного, принца. Только, похоже, затерялся он где-то в жизненных лабиринтах, а возможно, и в юбках других принцесс...

— Ты не устала быть одна? — допытывалась Лика.

— Что ты хочешь услышать от меня? Крик моей души? Хочешь увидеть ее истекающую кровью изнанку? Конечно, мне плохо одной, но изменить свое отношение к жизни я не могу! Вот уж такой я уродилась!

— Бедная ты моя, — обняла ее Лика. — А мой бывший, Костик-то, намекал мне, что не против познакомиться с моей подругой поближе.

— Ты с ума сошла! — отстранилась от нее Снежана.

— А что? Он отличный любовник!

— Да как я с ним — после тебя? После своей подруги?!

— А я что — заразная? Да ладно, не смотри так на меня! Все я поняла. Так и зачахнешь ты в самом соку!

У нас на работе тоже одна такая умная была, и все одна да одна... А потом смотрю, в больницу загремела, что-то ей там по-женски отрезали, в общем, конец делу. Сказали, что для нормального функционирования женской репродуктивной системы необходима регулярная половая жизнь. А говоря проще, по-русски, с мужиками надо спать, а плохие они или хорошие — это уже второй вопрос! Иначе и у тебя что-нибудь заболит, и тогда уже поздно будет. И матерью никогда не станешь.

Эти разговоры ни к чему конкретному никогда не приводили. Но произошел некий случай, придавший Снежане, так сказать, невиданное ускорение. Она два раза в неделю ездила давать уроки русского и английского языков к одному очень богатому клиенту, Всеволоду Владимировичу Шубину. Прочие ученики приходили к ней домой и платили значительно меньше. Чем конкретно занимался Всеволод Владимирович, Снежана не знала. Платил он ей исправно и более чем прилично.

Девочка, Злата, его дочь, нравилась Снежане, у них сложились вполне дружеские отношения. Злата была смышлёной и любознательной. Вначале возникли некоторые разногласия — девочка была избалована и считала, что Снежана — всего лишь очередная прислуга, а прислуге платит ее папа, поэтому учительница должна исполнять свои обязанности, а не воспитывать дочь хозяина, и слушаться Снежану вовсе не обя-

зательно. Но Снежана смогла разъяснить Злате, что та должна уважать своего преподавателя. А ее отец отнюдь не выбрасывает деньги на ветер, платя ей зарплату — за эти деньги Снежана вкладывает знания в голову его дочери.

— Я уважаю тебя, ты, в свою очередь, уважаешь меня, — сказала она Злате.

— Ага, а при этом тебе платят деньги! — выпалила девочка.

— Любой труд оплачивается, — терпеливо пояснила Снежана.

— Хорошо... а могу я называть тебя не Снежана Игоревна, а просто Снежана? А то у тебя что имечко, что фамилия — смех один, — сморщила носик Злата.

— Ты можешь называть меня по имени, но обращаться к взрослому человеку следует на «вы», — ответила она, пряча улыбку.

Злате исполнилось уже тринадцать лет, она была высокой девочкой с намечающимися пышными формами, длинными темными волосами и круглым лицом с курносом носом.

Шубины проживали в роскошном четырёхэтажном коттедже с цокольным этажом и мансардой, в элитном посёлке «Восход» неподалёку от МКАД. В доме периодически появлялись домработница, кухарка, охранник, он же телохранитель, сопровождавший Злату в поездках. На дом приезжали и врачи, и массажисты, и сотрудники ресторанов быстрого питания, и масса каких-то неприятных людей — партнеров Всеволода Владимировича по бизнесу. К девочке приходила и учительница музыки. А три раза

